

С. В. Ковыршина, В. Е. Угрюмов

Воспоминания С. Т. Аксакова о мартинистах: встреча двух дискурсов

В статье анализируются воспоминания известного русского писателя С. Т. Аксакова «Встреча с мартинистами» как одно из самых загадочных воспоминаний: они были написаны спустя пятьдесят лет после небольшого периода общения с представителями одной из самых загадочных масонских лож «Умиравший сфинкс». На основании герменевтического подхода интерпретируются основанные на реальных прототипах художественные образы и мотивы их действий. Акцентируется внимание на трех ключевых моментах встречи разных дискурсов: религиозном, патриотическом, символическом. Рассматриваются особенности стилистики писателя: нарратив, замечания в ходе беседы и диалогов (включая мысленные), короткие реплики. Авторы приходят к выводу, что произведение представляет собой образец столкновений двух миров, двух мировоззренческих парадигм: исконно русского и навязанного западного. Обозначены способы переключения читательского внимания с помощью структурирования текста, применения метафор, смены событий. Определена стилистическая позиция автора: эмоции, позиционирование своего Я, проговаривание своих мыслей.

Ключевые слова: С. Т. Аксаков, мартинисты, дискурс, стилистика, масоны, противопоставление.

Для цитирования: Ковыршина С. В., Угрюмов В. Е. Воспоминания С. Т. Аксакова о мартинистах: встреча двух дискурсов // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 1. – С. 10–24. DOI: 10.35231/25419803_2024_1_10. EDN: CXMHYEY

Современную социокультурную ситуацию исследователи характеризуют по-разному, но нам представляется небезынтересной позиция З. Я. Рахматуллиной, которая указывает на такие ее особенности, как желание делать что-то на показ, превращение гламура в капитал, преобладание гедонистических тенденций [14, с. 294]. Такая ситуация характерна не только для нашего времени. Рубеж эпох – это тот период, когда остро проявляется необходимость поиска новых мировоззренческих ориентиров, онтологических моделей, что, в свою очередь, позволяет реализоваться двум фундаменталь-

ным потребностям человека: в познании и реализации себя в обществе [14]. Влияние иного, чуждого русской культуре, присутствовало всегда, на любом этапе развития российского общества: Византийская империя, Золотая Орда оставили немалый след в истории становления российской культуры. Большое влияние оказали и преобразования Петра I. Столкновение двух противоположных полюсов нашло свое место и в процессе формирования отечественного менталитета. Две культуры, два стиля мышления, два образа жизни, два дискурса (русский и западный) соприкасаются друг с другом постоянно.

Показательным в этом отношении является процесс распространения масонских идей в конце XVIII – начале XIX века в Россию. Первое десятилетие XIX века представляет собой время наивысшего расцвета и активности масонства [3]. Вместе с непонятной русскому обществу идеологией, причудливой смесью христианства, герметической философии, каббалы в России стали популярны мистические и спиритические сеансы [5, с. 66]. Модные салоны того времени увлеклись такой забавой, и столоверчение (стологадание) стало неотъемлемой частью ужинов и светских раутов.

Одной из самых известных была тайная организация «Умиращий сфинкс» под руководством А. Ф. Лабзина. Так в Петербурге появилась одна из разновидностей масонских лож – мартинисты [6, с. 109]. В основе их учения – идеи К. Эккартсгаузена, изложенные им в работе «Ключ к таинствам природы человека (ангела и скоточеловека), он утверждал, что посредством смирения, труда у человека появится возможность преодолеть плотское и низменное, что приведет к воссоединению с Богом. Только смирение и смирение, через тайну, молчание – таков путь очищения и радостного сближения с Богом. Яркое выражение данной идеи воплотилось в образе сфинкса, который послужил для А. Ф. Лабзина не только символом организации, но и названием. В первую очередь, смысловая нагрузка связана с темой смерти (умирающий сфинкс), что олицетворяет у мартинистов не только грехопадение, но и процесс снятия покрова и тьмы, скрывавших божественный свет. Смерть (мистическое умирание) представляет собой необходимый шаг к обретению совершенства,

воссоединению с Богом, возвращение к первоначальному состоянию сопричастности созидательной деятельности.

Члены «Умирающего сфинкса» (вольные каменщики) проходили определенную процедуру посвящения в братство через три ступени постепенного приобщения к «великой тайне» сначала с помощью наставника, а потом личного применения на практике полученных знаний и вовлечения в ложу новых последователей. Как отмечает Ю. И. Кондаков, «Умирающий сфинкс» принадлежал к структурам Ордена розенкрейцеров (в России членов Ордена ошибочно называли «мартинистами»)¹. В ложе царила строгая дисциплина, поведение членов ложи было четко регламентировано. В нее входил узкий круг доверенных лиц и несколько посвященных, что дало возможность просуществовать ложе 22 года (с 1800 по 1822 гг.). Яркими представителями «Сфинкса» были А. Ф. Лабзин, его жена А. Е. Лабзина (хотя и существовал запрет на присутствие женщин и вовлечение их в деятельность организации), А. П. Мартынов, В. В. Романовский, П. И. Русановский, А. Г. Черевин, И. П. Чернов, А. Л. Витберг, Д. Г. Левицкий, П. Д. Маркелов, Ю. Н. Бартенев. А. Ф. Лабзин рекомендовал подчиненным ему братьям «несколько часов в день посвящать молитве, чтению, переводам, на ночь вспоминать прошедший день и приносить благодарность и покаяние»². Одним из вариантов развития событий, следовавших за встречей с магистрами ложи, была попытка обращения адепта на свою сторону. Одним из ярких примеров такой встречи стали воспоминания виднейшего классика русской литературы XIX века Сергея Тимофеевича Аксакова. «Встреча с мартинистами» датируется 1858 годом, она написана через полвека после реальной встречи, состоявшейся в 1808 г. Анализу данного произведения и посвящена статья, авторы которой акцентируют свое внимание на следующих аспектах: религиозном (предпринимается попытка проследить процесс преодоления глупости православными мотивами); патриотическом (Петр Балясников и его роль в русско-шведской войне); символическом (смерть). Таким образом, цель данной работы – выявление особен-

¹ Кондаков Ю. И. Ложа «Умирающий сфинкс» в воспоминаниях С. Т. Аксакова. Электронный ресурс. URL: <https://statehistory.ru/1578/Lozha-Umirayushchiy-sfinks-v-vospominaniyakh-S-T-Aksakova/> (дата обращения 19.10.2023).

² Там же.

ностей стилистики двух дискурсов в работе С. Т. Аксакова «Встреча с мартинистами».

Материалы и методы

Жизнь и творчество С. Т. Аксакова – объемная, многосторонняя и многоаспектная тема для исследователей, поэтому мы сконцентрируемся на стилистике и организации текста. Материалом для исследования является само произведение писателя «Встреча с мартинистами», а также работы, посвященные жизни и анализу творчества, в частности, жанрообразованию и стилистике произведений писателя. Хотелось бы отметить, что мы опирались и на собственные исследования творчества С. Т. Аксакова [10–11; 13–14]. Основным методом, используемым авторами, является метод компаративного (сравнительного) анализа на основе герменевтического подхода для более глубокого понимания и интерпретации символических и художественных структур текста.

Результаты

В 1808 г. молодой Сергей Аксаков прибывает в Петербург для определения на службу. По прибытию он наносит визиты тем, с кем была дружна его семья: бывшему его наставнику Г. И. Карташевскому, крестному отцу Д. Б. Мертваго и семье Рубановских. Образ Василия Васильевича Рубановского списан с В. В. Романовского – члена масонской ложи. И, как мы отмечали ранее, С. Т. Аксаков изменяет фамилию Романовский на более суровую. Вероятно, автор тем самым намекает на глагол «рубить» как на нечто грубое, неискusstное и тем самым образно характеризует персонажа [19]. С. Т. Аксаков следующим образом описывает хозяина: «Старик был огромного роста, сухощав, но атлетического, мускулезного сложения; глаза его выражали суровую строгость; лицо он имел необыкновенно длинное и бледное, с выдавшимся вперед подбородком; передние зубы, точно клыки, высывались, когда он говорил, особенно когда смеялся; но и в смехе его не было ничего веселого и добродушного» [1, с. 223]. Вместе с этим в воспоминаниях присутствуют противоречивые и, кажется, порой парадоксальные вещи в описании Рубановского: «...коса Рубановского, которая беспрестанно шевелилась

и двигалась, сообразно движению его головы, привлекала мое внимание, и я не мог отвести от нее глаз» [1, с. 223]. Немного расплывчатый и ироничный образ, который показывает, что автор – участник живого действия. Своеобразный эффект присутствия и оценка окружающей действительности не позволяют нам усомниться в истинности слов писателя. Мы как будто видим этого худого высокого человека, описанного с долей комичности и шутовства. В этом образе присутствует ироническая оценка нелепой идеи масонства силами тайного закрытого сообщества охватить и изменить все вокруг.

Старик Рубановский «фанатик бескорыстия, сам почти нищий, был честности неподкупной, убеждений непреодолимых, и у него нельзя было спекулировать во имя недостаточности состояния. Рубановский – человек религиозный до мистицизма, злой мартинист, как его звали в обществе, во всю свою жизнь, с суровой строгостью и с тягостной для всех точностью, свято исполнял долг суда и правды на поприще своей разнообразной и долговременной служебной деятельности» [1, с. 223]. Эту характеристику Аксаков сводит к одному яркому библейскому образу, сложившемуся у него по мере общения со «злым мартинистом»: «Рубановский беспрестанно представлялся мне Авраамом, готовым закласть Исаака по гласу Иегова, <...> и я, слушая его, часто чувствовал невольный ужас» [1; с. 227–228]. Молодой Аксаков внимательно прислушивался к разговорам Рубановского и его посетителей, принадлежащих к масонскому братству. Давно имея представление о книгах «с мистическим направлением», Аксаков выражает свое возмущение пристрастием мартинистов к глубокомысленным, но пустым, в его понимании, размышлениям о загробной жизни. Он ввязывается в спор с мартинистами, но, возвращаясь домой, восклицает: «Какой черт дернул меня зайти в этот безысходный лабиринт, всегда мне противный» [1, с. 233]. Автор рассказывает о своем отношении к масонским книгам, к их бессмысленной многозначительности и заявляет, что любую книгу можно открыть и «остановиться на первом попавшемся месте». Здесь же Аксаков говорит о своем литературном вкусе, в чем-то даже оправдывая его молодостью: «Я любил все ясное, прозрачное, легко и свободно понимаемое; труд и сухость отвлеченной мысли были мне скучны и тяжелы,

и я, по молодости и легкомыслию, все, не понимаемое мною, называл не имеющим смысла» [1, с. 231]. Он повторяет эту мысль в своих возражениях мартинистам: «Я сейчас остановил и сконфузил их, сказав им, что во всех спорах первым условием должно быть ясное понимание языка, которым говорят говорящие, что их язык для меня китайский, и в доказательство повторил некоторые их выражения» [1, с. 232]. И когда молодой Аксаков рассказывает нам о попытках прочтения текстов, которые старик Рубановский повторяет как мантру, не задумываясь о смысле написанного, то мы видим, как происходит одно из религиозных столкновений, выраженных через стилистические приемы и обороты речи. В этом мы усматриваем определенную дискурсивную практику столкновения противоречий: простого и ясного изложения (стиль Аксакова) и непонятного набора слов, выражающего догматы иной, неправославной, веры. Фактически каждое произведение С. Т. Аксакова, а «Встреча с мартинистами» не исключение, представляет собой каждый раз определенную организацию переживания социального времени, в частности, биографического времени [8, с. 30]. Но именно диалоги со стариком Рубановским, который говорит, как рубит, считая собственное видение и мнение единственно правильным и приоритетным, дают возможность глубже понять смысл происходящего, когда молодое поколение, тянувшееся ко всему новому, сталкивается с догматами старшего поколения.

Со скрытой иронией Аксаков создает словесный портрет главного мартиниста А. Ф. Лабзина: «Среднего роста и крепкого сложения: выразительные черты лица, орлиный взгляд темных, глубоко-знаменательных глаз и голос, в котором слышна была привычка повелевать, произвели на меня сильное впечатление. В обращении он был совершенно прост и любил употреблять резкие, так называемые тривиальные или простонародные выражения, как, например: выцарапать глаза, заткнуть за пояс и т. п.» [1; с. 240–241]. Об «афишке» к спектаклю, которую вручил С. Т. Аксакову «ученик мудрости» А. Ф. Лабзин, он отзывается уже открыто с неприязнью и куда более насмешливо: «Она была составлена, вероятно, им самим, с большой претензией на остроумную замысловатость» [1, с. 242].

Чтобы еще более развенчать славу таинственных мартинистов, Аксаков рассказывает историю чиновника Вольфа, «человека тихого и работающего, но постоянно задумчивого и больного» [1, с. 259], заморившего себя голодом в маленькой комнатке, – историю «маленького человека». Вольф представлен автором как мартинист, после смерти которого будто бы остались некоторые тайные бумаги с записями. С. Т. Аксаков мастерски создает интригу: имитируя туманный стиль, он пишет сочинение, выдает его за тайные записи Вольфа и представляет Рубановскому и другим мартинистам. Автор «смутно понимает, что это все-таки поступок нехороший» [1, с. 261], но творческая, писательская страсть к маскараду побеждает: «Мне стало совестно дурачить целое общество, члены которого, при всем своем одностороннем ослеплении или увлечении, были люди умные, образованные и почтенные» [1, с. 262]. Мартинисты высоко оценили и даже растолковали «посмертное сочинение Вольфа». Этот последний, наиболее комичный эпизод из общения Аксакова с мартинистами не только резко обнажает глупость и «ослепление» целого общества – он подводит черту в отношении писателя к этим «важным людям», демонстрирует победу творчески мыслящего человека над мистикой и ханжеством. Несмотря на то что автор на трех страницах пять раз настойчиво извиняется перед читателем в своем «дурном деле», называя подложное писание «несчастной пародией» [1, с. 263], даже этим он подчеркивает пристрастие мартинистов к «бесмыслице» и «галиматье» – так именует их взгляды автор.

В связи с этим эпизодом из жизни молодого С. Т. Аксакова представляется необходимым дополнить данную ситуацию, проанализированную А. В. Кильдяшовым [7]. В своем исследовании он упоминает некоего В. П. Точинова, который утверждает, что «через С. Т. Аксакова в отношении "Умиряющего сфинкса" 1809 году была проведена классическая операция спецслужб по компрометации как самой организации, так и ее лидера», хотя автор дает себе возможность отступления, указывая, что это может быть совпадением [7]. В аспекте встреч и бесед с Рубановским и другими мартинистами очень хорошо прослеживается «субъективация авторского повествования» [2, с. 4].

Следующий значимый момент, который вводит в повествование автор, это история о его университетском друге, участнике Русско-шведской войны 1808–1809 годов Петре Балясникове. Важность приезда друга С. Т. Аксаков образно определяет причастием «сошедший»: «храбрый воин, только что сошедший с поля битвы» [1, с. 234] Возникающий ассоциативный ряд (сошедший с небес, с креста судьбы, «с поля битвы» как с постамента славы) эмоционально обогащает восприятие текста. Записка от друга, словно крепкий голос, спасительный дар, выгоняет из головы нелепую «глубокомысленность» таинственных учений мартинистов. Автор понимает их нежизненность в сравнении с яркой реальной действительностью: «Воротаясь домой, я нашел записку, которая мгновенно выгнала у меня из головы всех мартинистов со всем их мистицизмом» [1, с. 233]. Забывая мартинистов, автор рассказывает о человеке подлинном, жизнеутверждающем: «Записка была от университетского моего товарища, который некогда имел на всех нас сильное влияние смелостью своего духа и крепостью воли» [1, с. 233]. Описание встречи друзей, дальнейшая история Балясникова, его смелый визит к Аракчееву – пример не мистической, а настоящей жизни, которой восхищается автор: «Это было уже не слово, а дело! Это уже не театральный герой <...> – это в действительности храбрый воин, только что сошедший с поля битвы, страдающий от действительной раны. Почти до утра просидели мы втроем, то есть я, Балясников и Алехин. Не было конца задушевым разговорам, воспоминаниям и рассказам. Забывая боль от раны: Балясников ранен, всех более говорил и рассказывал Балясников, да ему и было что рассказывать. Он превозносил похвалами шведов и называл их благороднейшей нацией: офицеры были образованны и мужественны, солдаты храбры и честны; все дрались отчаянно и каждый клочок земли уступали после упорного боя» [1, с. 234]. В рассказе Балясникова нельзя не заметить аллюзию на отношение к шведским воинам Петра Первого, который благодарил их за то, что научили воевать. Выражение «не театральный герой» явно раскрывает отношение автора к трагическому туману мартинистов. Любовь к жизни, уважение к противнику и высоконравственный патриотизм, честный и реальный героизм Аксаков противопоставляет мистическим

сектантам со всеми их книгами, толкованиями и страхами. В истории Балясникова автор выражает свой жизнеутверждающий взгляд, называет своих героев.

Здесь меняется голос автора, пропадает насмешливость и раздражение. Предложения четкие, слова сильные, с ярко выраженной экспрессивной окраской. Интонация восхищения и преклонения перед сильными духом и славными настоящими людьми придает тексту торжественность. Вот как описано прощание Балясникова с родной ротой: «Балясников вылетел перед ротой на своем бешеном коне, которого сам выездил и на которого, кроме него, никто сесть не смел, скомандовал своим громозвучным голосом: «Смирно!» – и вся рота, люди и лошади вздрогнули и окаменели. Мне рассказывал достоверный самовидец, опытный артиллерист, что он во всю свою жизнь не видывал, да и не увидит, того, что делали на этом смотре люди и лошади. В таком же духе, в самых похвальных выражениях. <...> Балясников сам не мог удержаться от слез и ускакал как сумасшедший. Боже мой! Чего нельзя сделать с таким народом, который способен так любить и быть благородным!» [1, с. 257]. Картина народной силы и благородства наряду с «громозвучным голосом» командира (ассоциация с божественным гласом) противопоставлена бессмысленным деяниям мартинистов и фигуре «ученика мудрости».

Перед нами – яркий пример патриотизма и мужественности, образец для потомков. П. Балясников бесстрашен, отважен, благороден, уважаем сослуживцами (и не только – чего стоит только его обращение к суровому Аракчееву). Опять же – в этом – исконный дух славянофильства, любви и преданности Родине, прописанный через образ университетского товарища и горечь о его утрате.

Последний, символический момент, опять же тесно связанный с преданностью учению масонов: извечное противостояние жизни и смерти, жертвенности и смирения. Образ ветхозаветного Авраама – Рубановского, готового закласть Исаака-первенца, раскрывается автором в истории о смерти старшей дочери Рубановского, угасшей от непонятной, чудной, долго тянущейся мистической болезни. Познакомившись с организацией А. Ф. Лабзина, С. Т. Аксаков иронически, с недоверием воспринимает учение мартинистов.

Процессы общения мартинистов с духами выглядят для него так же странно, как рассказ о загадочной смерти девушки. Аксаков удивляется, как торжественно, с дикой веселостью «злой мартинист» стремится поведать его родителям печальную историю о своей дочери. «Мать <...> попросила рассказать ей все подробности этого несчастного события. Старик Рубановский как-то дико рассмеялся» [1, с. 227], – пишет Аксаков. Рубановский читает «записку», в которой изо дня в день отмечал историю болезни дочери «и ее христианскую кончину», называет «дочь свою совершенством человеческой природы, чудом, ниспосланным на землю для обращения заблудших грешников» [1, с. 227]. Не совсем понятно, какую преследует цель отец: запомнить ли последние дни жизни дочери или создать некий символ, образец мученичества для того, чтобы гордиться впоследствии ее уходом как переходом в мир иной, приобщением к тайне мироздания, что характерно для мартинистов. Автор не приводит печального текста, но эмоционально замечает, что «ни один роман, ни одно стихотворение Державина, ни одна трагедия не производили на меня такого впечатления» [1, с. 227]. В трагический пафос рассказа о дочери вдруг проникает странное замечание: в беседе с ней находили «великое удовольствие» и «душевную пользу» такие люди, как «А. Ф. Лабзин и какой-то архимандрит Иоанн» [1, с. 227]. Местоимение «какой-то» ставит под вопрос серьезность впечатления от истории. «Отец сам одевал умершую свою дочь в приготовленное ею заранее платье, сам клал ее в гроб, выносил в церковь и отнес на кладбище; ни малейшего ропота не произнес его язык, и вся душа была исполнена благоговеющей радости и покорности воле божьей. – Мой отец, мать и я обливались слезами, слушая эту повесть, а старик Рубановский улыбался и говорил: “Вы можете плакать, а я должен радоваться и благодарить бога!”» [1, с. 227]. Рассказывая о своем очередном визите в их дом, Аксаков добавляет неожиданный штрих к образу старшей дочери Рубановских, уже умершей: «Анна Ивановна (жена Рубановского. – С. К., В. У.) <...> позвала меня в гостиную, где она обыкновенно сидела со старшей дочерью <...> вязала тонкий со стрелками чулок, а дочь всегда делала восковые цветы» [1, с. 229]. Восковые цветы появляются как символ смерти и потустороннего мира.

Заметим, что образ воска и смерти встречается в описании внешности Анны Ивановны: «Маленькая ростом и худенькая, как скелет; лицо ее светилось какой-то восковой прозрачностью» [1, с. 223]. Создав образ ветхозаветного Авраама – Рубановского, Аксаков как-то вскользь упоминает, что старший сын старика «служит в лейб-гвардейском полку и был во всех отношениях совершенная противоположность своему суровому, но высоконравственному отцу; он был убит в 1812 году» [1, с. 228]. Опять же: демонстрация патриотизма.

Обсуждение и выводы

Воспоминания С. Т. Аксакова о встрече с представителями одной из самых загадочных масонских лож представлены как определенный и последовательный процесс превращения единичных событий (диалоги с Рубановским, встреча с П. Балясниковым) в единое целое. Мы видим, что начало века девятнадцатого демонстрирует нам определенные события, которые могут послужить образцом для других поколений. И это не просто регистрация событий, это и интерпретация на стыке двух картин мира. В этом проявляется нарратив произведения [16]. В процессе интерпретации произведения появляется возможность обозначить некие структуры и связи, служащие инструментом создания высказывания, представляющие собой различные способы переключения внимания, описания героев, развития действия и т. д. [17, с. 104].

Эстетическая позиция автора встречается по всему тексту произведения в форме случайных замечаний, коротких комментариев. Понимание Аксаковым природы искусства и литературного творчества заложено в поэтике воспоминаний. Это не просто проговаривание собственных размышлений, это выговаривание и позиционирование себя: через эмоции, через «Я» [18]. Автор высказывается по поводу рассказа о смерти дочери Рубановского: «Можно покоряться воле божьей без фанатизма, платя в то же время полную дань своей человеческой природе» [1, с. 227]. Аксаков узнает, что Рубановские живут в доме Ломоносова, но их совершенно это не волнует, в отличие от автора: «...вскрикнул от радостного изумления и едва не выскочил из-за стола. С юношеским увлечением принялся я ораторствовать, что жить в доме Ломоносова,

этого великого русского гения, истинное счастье» [1, с. 228]. Но масоны не разделили его восхищения, чем еще раз продемонстрировали свою оторванность от реальной жизни.

В воспоминаниях противопоставляются два общества, два мира: общество мартинистов и действительно храбрые воины, благородный народ. С. Т. Аксаков ведет читателя своим «особым ходом художественных ассоциаций, ему присущих» [15, с. 20], он обогащает наблюдения вымыслом и приближает его к реальности. В шутовском недоумении, свойственном юности, а порой с легким сарказмом автор описывает мистическую «тарабарщину» мартинистов, узость и ограниченность их сознания и тщетные попытки обратить его, будущего писателя, в свою веру. Вставные истории, реминисценции и литературные аллюзии значительно обогащают содержание, служат для создания более яркого образа общества русских мартинистов и значительно углубляют смысл воспоминаний. Художественный вымысел остается в границах реальности и определяется движением мысли автора и его индивидуальным видением.

Список литературы

1. Аксаков С. Т. Встреча с мартинистами // Аксаков С. Т. Собрание сочинений. В 4 т. – М.: Художественная литература, 1955–1956. – Т. 2. – С. 222–266.
2. Анненкова Е. И. Аксаковы. – СПб.: Наука, 1998. – 366 с.
3. Гаврилков М. А. Определение ордена мартинистов в России начала XX века как предмет научной рефлексии // Мистико-эзотерические движения в теории и практике: мистицизм и эзотеризм в России и других странах постсоветского пространства: материалы Девятой Всероссийской научной конференции с международным участием. – СПб., 2018. – С. 23–35. EDN: YWJOPQ
4. Горшков А. И. Русская словесность: от слова к словесности: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1995. – 336 с.
5. Дмитриев А. В. Государственно-правовые идеи русских масонов конца XVIII – первой четверти XIX века: вопросы источниковедения и историографии // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 8. – С. 65–86. EDN: ZDDARV
6. Кийченко К. И. Труды Луи Клода де Сен-Мартена и их влияние на становление русского мартинизма // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2015. – № 4 (232). – С. 109–117. EDN: VONQZF
7. Кильдяшов А. В. Сочинение С. Т. Аксакова «Встреча с мартинистами»: взгляд из современности // Наследие семьи Аксаковых в русской культуре, отечественной истории и общественной жизни. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Самара, 2022. – С. 137–146. EDN: LHPZPW
8. Ковыршина С. В., Угрюмов В. Е. Фреймовая организация «Очерков зимнего дня» С. Т. Аксакова // Перспективы развития высшей школы. Материалы IV Международной научно-практической конференции-2023. В 4-х т. – Тюмень, 2023. – Т. 3. – С. 28–32. EDN: PLIXSD

9. Кучурин В. В. Масонские символы ложи Умиряющего сфинкса: опыт интерпретации // Труды государственного музея истории религии. – СПб.: СПГУТД, 2009. – Вып. 9. – С. 141–148. EDN: FKWMPU

10. Лобанов М. П. Сергей Тимофеевич Аксаков. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 364 с.

11. Манн Ю. В. Аксаков Сергей Тимофеевич // Русские писатели: биографический словарь: в 2 т. – М.: Просвещение, 1990. – Т. 1. – С. 35–39.

12. Манн Ю. В. Семья Аксаковых: ист.-лит. очерк. – М.: Детская литература, 1992. – 399, [1] с.

13. Машинский С. И. С. Т. Аксаков: жизнь и творчество. – М.: Художественная литература, 1973. – 575 с.

14. Минаков И. П. Социокультурная ситуация в современной России и актуализация проблемы формирования духовной личности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – Т. 11. – № 2А. – С. 285–298. DOI: 10.34670/AR.2022.79.31.036. EDN: FCLDPF

15. Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность). – М.: Владос, 1999. – 375 с.

16. Петренко Н. С. К проблеме нарратива в методологии истории // Философские науки. – 2000. – № 1. – С. 108–116.

17. Прохорова Л. П. Когнитивный механизм эволюции жанра сказки // Вестник КемГУ. – 2012. – Т. 4. – № 4 (52). – С. 103–106. EDN: PZDRIV

18. Трубина Е. Г. Рассказанное Я: отпечатки голоса. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 278 с.

19. Угрюмов В. Е. Образ русского масонства в воспоминаниях С. Т. Аксакова «Встреча с мартинистами» // Национальный стиль русской литературной классики. Материалы VI Межвузовской с международным участием научно-практической конференции. – М., 2021. – С. 118–124. EDN: FYRMED

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Svetlana V. Kovyrshina, Vladimir E. Ugryumov

S. T. Aksakov's Memoirs of the Martinists: The Meeting of Two Discourses

The article analyzes the work of the famous Russian writer of the XIX century S. T. Aksakov "Meeting with the Martinists" as one of the most mysterious memories: they were written fifty years later after a short period of communication with representatives of the most mysterious Masonic lodges "The Dying Sphinx". The authors, using a hermeneutic approach, attempted to interpret artistic images (based on real prototypes) and the motives of their actions. Attention is focused on three key points (meetings of different discourses in three planes): religious, patriotic, symbolic. Such features of the writer's style as narrative, remarks during conversations and dialogues (even mental ones), short remarks are considered. The authors conclude that the work is a vivid example of the collision of two worlds, two ideological paradigms: the native Russian and the imposed Western. The ways of switching the reader's attention through the structuring of the text, the use of metaphors, and the development of events are indicated. Real historical figures are revealed to us in a new way. The stylistic position of the author is determined: emotions, pronouncing his thoughts, positioning his Self.

Key words: S. T. Aksakov, Martinists, discourse, stylistics, Masons, opposition.

For citation: Kovyrshina, S. V., Ugryumov, V. E. (2024) Vospominaniya S. T. Aksakova o martinistah: vstrecha dveh diskursov [S. T. Aksakov's Memoirs of the Martinists: The Meeting of Two Discourses]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 10–24. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_1_10. EDN: CXMHXY

References

1. Aksakov, S. T. (1955–1956) *Vstrecha s martinistami* [Meeting with the Martinists]. *Sobranie sochinenij*. V 4 t. [Collected works. In 4 vols.]. Vol. 2. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. (In Russian).
2. Annenkova, E. I. (1998) *Aksakovy* [Aksakovs]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
3. Gavrilkov, M. A. (2018) *Opreделение ordena martinistov v Rossii nachala XX veka kak predmet nauchnoj refleksii* [Definition of the Martinist Order in Russia at the beginning of the XX century as a subject of scientific reflection]. *Mistiko- ezotericheskie dvizheniya v teorii i praktike: misticizm i ezoterizm v Rossii i drugih stranah postsovetского prostranstva* [Mystical-Esoteric Movements in Theory and Practice: Mysticism and Esotericism in Russia and other Post-Soviet countries]. St. Petersburg. Pp. 23–35. EDN: YWJOPQ. (In Russian).
4. Gorshkov, A. I. (1995) *Russkaya slovesnost': ot slova k slovesnosti* [Russian Literature: from Word to Word]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
5. Dmitriev, A. V. (2017) *Gosudarstvenno-pravovye idei russkikh masonov konca XVIII – pervoj chetverti XIX veka: voprosy istochnikovedeniya i istoriografii* [State-legal ideas of Russian Masons of the late XVIII – first quarter of the XIX century: questions of source studies and historiography]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: Historical Research*. No. 8. Pp. 65–86. EDN: ZDDARV. (In Russian).
6. Kijchenko, K. I. (2015) *Trudy Lui Kloda de Sen-Martena i ih vliyaniye na stanovleniye russkogo martinizma* [The works of Louis Claude de Saint Martin and their influence on the formation of Russian Martinism]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU – Scientific and Technical Vedomosti SPbPU*. No. 4 (232). Pp. 109–117. EDN: VONQZF. (In Russian).
7. Kil'dyashov, A. V. (2022) *Sochineniye S. T. Aksakova «Vstrecha s martinistami»: vzglyad iz sovremennosti* [The essay of S. T. Aksakov "Meeting with the Martinists": a view from modernity]. *Nasledie sem'i Aksakovyh v russkoj kul'ture, otechestvennoj istorii i obshchestvennoj zhizni* [The legacy of the Aksakov family in Russian culture, national history and public life]. Samara. Pp. 137–146. EDN: LHPZPW. (In Russian).
8. Kovyrshina, S. V., Ugryumov, V. E. (2023) *Frejmovaya organizatsiya «Ocherkov zimnego dnya» S. T. Aksakova* [Frame organization of "Winter Day Essays" by S. T. Aksakov]. *Perspektivy razvitiya vysshey shkoly* [Prospects for the development of higher education]. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference–2023. Tyumen'. Vol. 3. Pp. 28–32. EDN: PLIXSD. (In Russian).
9. Kuchurin, V. V. (2009) *Masonskie simvoly lozhi Umirayushchego sfinksa: opyt interpretatsii* [Masonic symbols of the lodge of the Dying Sphinx: experience of interpretation]. *Trudy gosudarstvennogo muzeya istorii religii* [Proceedings of the State Museum of the History of Religion]. Issue 9. Pp. 141–148. EDN: FKWMPU. (In Russian).
10. Lobanov, M. P. (1987) *Sergej Timofeevich Aksakov* [Sergey Timofeevich Aksakov]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian).
11. Mann, Yu. V. (1990) *Aksakov Sergej Timofeevich* [Aksakov Sergey Timofeevich]. *Russkie pisateli: biograficheskij slovar'* [Russian writers: Biographical Dictionary]. Moscow. Vol. 1. Pp. 35–39. (In Russian).
12. Mann, Yu. V. (1992) *Sem'ya Aksakovyh* [The Aksakov family]. Moscow: Detskaya literatura Publ. (In Russian).
13. Mashinskij, S. I. (1973) *S. T. Aksakov: zhizn' i tvorchestvo* [S. T. Aksakov: life and work]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. (In Russian).
14. Minakov, I. P. (2022) *Sociokul'turnaya situatsiya v sovremennoj Rossii i aktualizatsiya problemy formirovaniya duhovnoj lichnosti* [The socio-cultural situation in modern Russia

and the actualization of the problem of the formation of a spiritual personality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke – Context and reflection: philosophy about the world and man*. No. 2A. Pp. 285–298. DOI: 10.34670/AR.2022.79.31.036. EDN: FCLDPF. (In Russian).

15. Mineralov, Yu. I. (1999) *Teoriya hudozhestvennoj slovesnosti (poetika i individual'nost')*. [Theory of artistic literature (poetics and individuality)]. Moscow: Vldos Publ. (In Russian).

16. Petrenko, N. S. (2000) *K probleme narrativa v metodologii istorii* [On the problem of narrative in the methodology of history]. *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences*. No. 1. Pp. 108–116. (In Russian).

17. Prohorova, L. P. (2012) *Kognitivnyj mekhanizm evolyucii zhanra skazki* [The cognitive mechanism of the evolution of the fairy tale genre]. *Vestnik.KemGU – Bulletin of KemSU*. No. 4 (52). Pp. 103–106. EDN: PZDRIV. (In Russian).

18. Trubina, E. G. (2002) *Rasskazannoe Ya: otpechatki golosa* [The Self Told: Voice Prints]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta (In Russian).

19. Ugryumov, V. E. (2021) *Obraz russkogo masonstva v vospominaniyah S. T. Aksakova «Vstrecha s martinistami»*. [Russian Russian Freemasonry in the memoirs of S. T. Aksakov "Meeting with the Martinists"]. *Nacional'nyj stil' russkoj literaturnoj klassiki* [National style of Russian literary classics]. Moscow. Pp. 118–124. EDN: FYRMED. (In Russian).

Об авторах

Ковыршина Светлана Викторовна, доцент Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказания кандидат философских наук, доцент (г. Новокузнецк, Российская Федерация); e-mail: kov.s.v@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7989-5107

Угрюмов Владимир Евгеньевич, доцент Новосибирского государственного технического университета кандидат филологических наук (г. Новосибирск, Российская Федерация); e-mail: v.u7@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-5455-7109

About the authors

Kovyrshina Svetlana V., Associate Professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, PhD in Philosophy (Novokuznetsk, Russian Federation); e-mail: kov.s.v@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7989-5107

Ugryumov Vladimir E., Associate Professor, Novosibirsk State Technical University, PhD in Philology (Novosibirsk, Russian Federation); e-mail: v.u7@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-5455-7109

дата получения: 24.10.2023
дата принятия: 30.12.2023
дата публикации: 30.03.2024

date of receiving: 24 October 2023
date of acceptance: 30 December 2023
date of publication: 30 March 2024